

ЛИЦО ПОРОДИСТОЕ

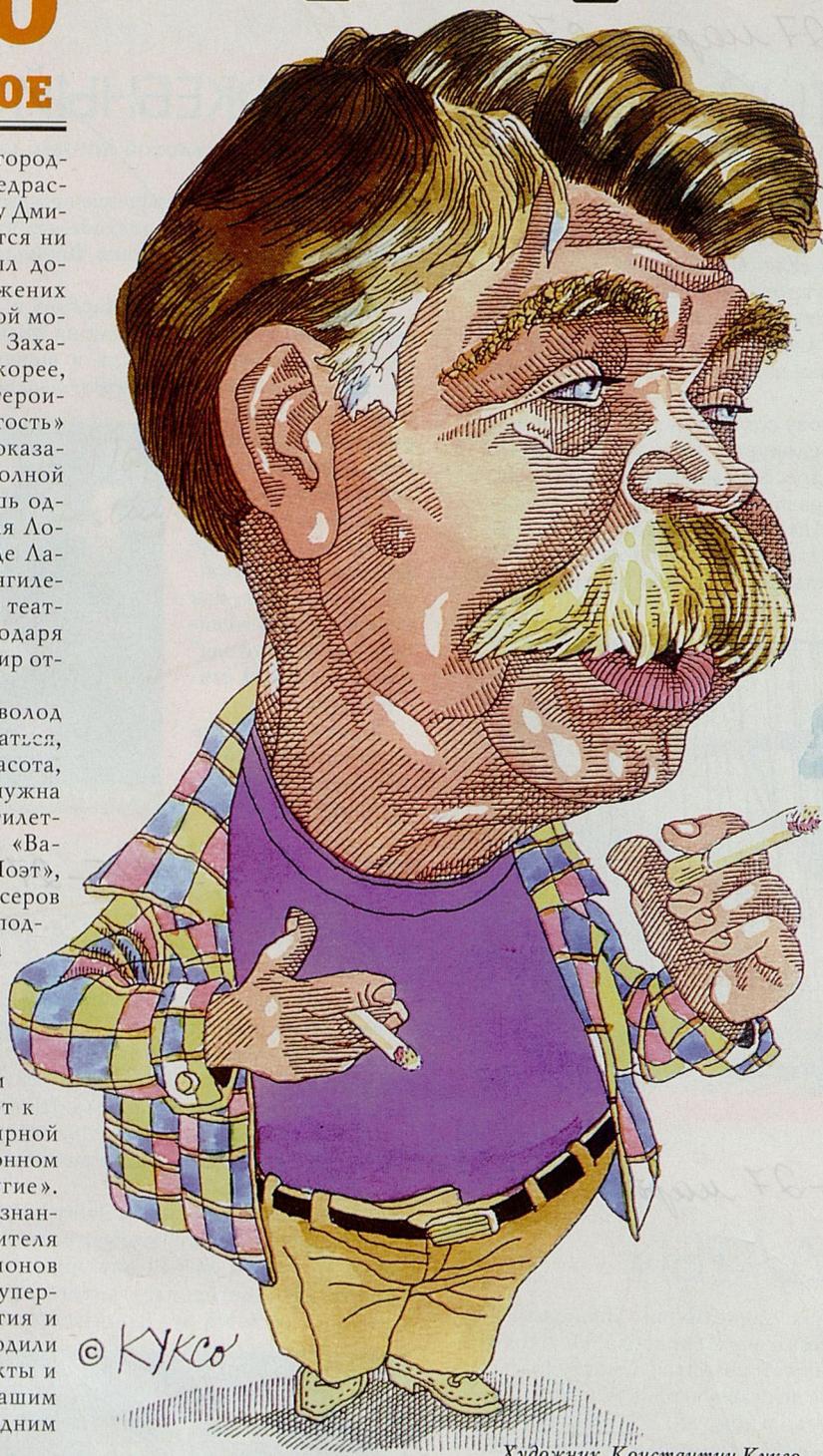

ЛИЦО ВОКИ

Правда, сыграть «благородного отца», при всей предрасположенности, Всеволоду Дмитриевичу как-то не удается ни в кино, ни в театре. Был довольно благородный жених Мендель из «Поминальной молитвы», спектакля Марка Захарова, но роль была, скорее, острохарактерная, чем героическая, и явная «породистость» Всеволода Дмитриевича оказалась не нужна и тут. В полной мере она проявилась лишь однажды — в фильме Эмиля Лотяну «Анна Павлова», где Ларионов сыграл самого Дягилева — русского мецената и театрального деятеля, благодаря которому Париж и весь мир открыл Русский балет.

В те годы, когда Всеволод Дмитриевич начинал сниматься, а это пятидесятые, его красота, конечно, была заметна и нужна для фильмов «Пятнадцатилетний капитан», «Крейсер «Варяг», «Пржевальский», «Поэт», но она же толкала режиссеров на поиски для него ролей подлецов и жуиров («Улица полна неожиданностей»). В то время красавец должен был быть подлецом. Подлецов Ларионов играл очень хорошо, что и привело его на склоне лет к исполнению суперпопулярной роли мафиози в телевизионном сериале «Горячев и другие». Сам был свидетелем, как узнанный в качестве представителя теневой экономики Ларионов был впущен в огромный супермаркет после его закрытия и все служащие и охрана ходили за ним, предлагая продукты и товары. Мы с ним по нашим деньгам ограничились одним салатиком.

И быть бы Ларионову «бандитом», если бы не любовь к нему Никиты Михалкова, когда-то снявшего Всеволода Дмитриевича в фильме «Очи черные», а теперь еще и в картине о Чехове. И может быть, сложилась бы биография Ларионова односторонне, если бы не театр, где он работал сначала с Эфросом, потом с любимым им Марком Захаровым. Театр более внимателен к возможностям Ларионова, шире использует его личные качества, живущие в нем семейные традиции.

Художник Константин Куксо

ЛАРИОНОВ

ТВ Парк. - 1995. - 27 марта. - с. 8-9.

«Благородный отец» — это теперь уже не обычное театральное амплуа, а редкий дар. Отцов много, благородных — почти не осталось, а среди тех, кто есть, самый почтенный и самый известный — Всеволод Дмитриевич Ларионов, актер театра «Ленком», киноактер, внешность которого узнаваема и любима, и голос, звучащий по радио и с экрана при дубляже известных зарубежных фильмов, известен всем.

— Всеволод Дмитриевич, расскажите немного о вашей семье. Считают, что вы такой взрослый, и про папу и маму не спрашивают, а я решил о них узнать...

— Отец, Ларионов Дмитрий Васильевич, жил в Рязани, где, это точно известно, жили и его отец, и его дед. Были они промышленниками. Дед мой вроде даже был городским головой, как утверждает семейная легенда, которую, конечно, надо бы документально проверить. Там же в Рязани у них было и поместье, о котором, честно говоря, до последнего времени я и не догадывался. Бабка моя по отцовской линии — какая-то татарская княжна. Мать, рожденная Фохт, — из обрусевших немцев, тех, что с петровских времен. Ее отец был сподвижником и другом Склифосовского, одним из основателей медицинского института в Москве. Мать с отцом прошли гражданскую войну на стороне большевиков. Отец к ним попал из прапорщиков.

— Так, хорошо, а к театру кто имеет отношение? Не может быть, чтобы в такой семье кто-нибудь не привел вас в театр за ручку.

— К театру? Мамина двоюродная сестра — народная артистка Советского Союза Софья Владимировна Гиацинтова, как вы знаете, замечательная актриса. Иван Николаевич Берсенев — ее супруг. Бабка моя была Сухотина, она находилась в родстве с Львом Николаевичем Толстым. Недавно по телевизору рассказывали о зарубежных родственниках Толстого и показали мою римскую родственницу Татьяну Толстую-Сухотину-Альбертини.

Кроме того, мать в юности дружила со многими нашими поэтами — Маяковским, Мариенгофом, Есениным. Мама была чтицей, работала с Вертинским, ушла в театр в качестве помощника режиссера.

Маме не удалось закончить школу валяния и живописи, которой, кстати, руководила моя прабабка, но мать всю жизнь любила живопись, как и театр и литературу, что не могло не сказаться и на моих увлечениях.

— Наверное, у вас много старых семейных фотографий?

— Да, хотя часть из них отдана Никите Михалкову: его фирма «ТриТэ» издает воспоминания моей мамы, Татьяны Алексеевны, и письма к моей бабушке Леониде Андреева. Кстати, братья бабушки были артистами императорских театров.

— А, вот и еще театральные родственники обнаружили. А вы любимый ребенок в семье?

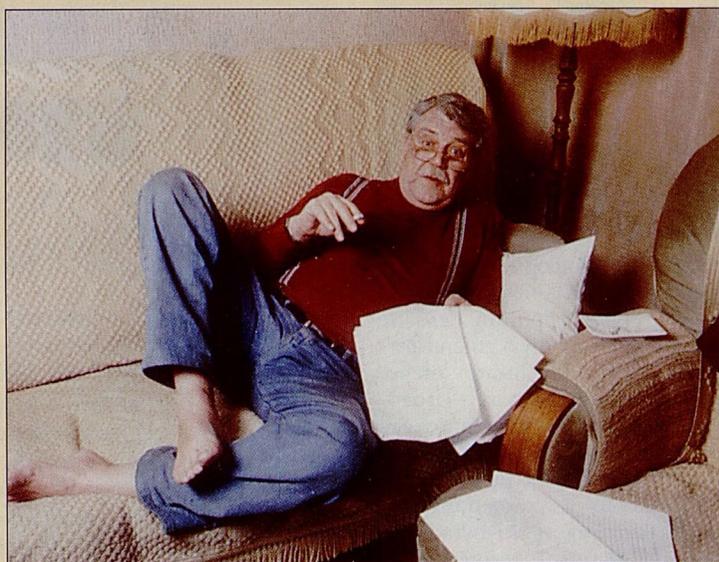
— Единственный и любимый. Мама меня баловала, хотя жилось тяжело. Папа был репрессирован, его дважды арестовывали.

— Почему друзья и родственники называют вас Вокой?

— Вокой? Это еще одна семейная традиция. Мы в родстве с Мамонтовыми, а у них все Всеволоды назывались Воками.

ЛИЦО ЧАСТНОЕ

— Всеволод Дмитриевич, вопрос, который вам никогда не задавали. У вас в роду дворяне, мещане — культурные люди, а вы известны как са-

мый главный материнник в театре, да и не только в театре. Что же это такое?

— Во-первых, я никогда не ругаюсь грязно и зло. Я делаю это для смеха, для анекдота. Потом, что важно, ко мне к такому привыкли, и мне поздно перевоспитываться. И еще, в каждом деле важна интонация, а интонацией я владею.

— Я вас не перевоспитаю. Если это кому-нибудь нужно, то, скорее всего, вашей жене. Она актриса?

С дочерью Катей и любимцем семьи Алексом

— Да. И смею заметить, очень хорошая актриса. Галина Матвеева. Она работала здесь, в «Ленком», играла разные роли, в том числе — главные. Что касается дочки Кати, нашей любимой и единственной, то я сделал все, чтобы она не поступила в театральный институт. По профессии переводчик.

— Есть еще член семьи Алекс?

— Да, Алекс — третий английский бульдог в нашей семье. Перед ним были две девки, злые как собаки, а этот — добрейший карапуз. Намедни по-

«Пятнадцатилетний капитан»

Каков арсенал ваших соблазняющих средств? Что для вас шикарная одежда? Какие фирмы предпочитаете?

— Предпочитаю носить этот старый джинсовый костюм, уже весь потертый, хотя для важных случаев у меня есть от лучшего портного смокинг и серебряный, дивной красоты костюм из Лондона цвета снувшего морского животного.

— Об этом можно серьезно поспорить. Знаю я этот ваш серебряный костюм, на самом деле он цвета проснувшегося животного или лунного камня.

— Продолжу: люблю серые тона, твид и шерсть.

«Один и без оружия»

целовал в нос котенка, что вообще против природы. Обожают детей.

— Всеволод Дмитриевич, вы столько лет штатный красавец нашего кино. В вас всегда влюблялись все женщины, была влюблена и моя мама.

— Вы так же, как ваш Дягилев, любите все прекрасное.

— Правда, люблю, а особенно — театр...

— Премьерствовать или репетировать?

— Репетировать!

Вадим Михалев